

DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.06

УДК 94(571)

ББК 63.3(253)

*А.М. КУРЫШОВ**И.В. КУРЫШОВА*

**ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМ ТРАДИЦИОННОГО
ХОЗЯЙСТВА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
В XVI – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ**

Задачами исследования в статье стали идентификация понятия «традиционное хозяйство» в контексте исследования его эволюции и историографический анализ проблемы развития традиционного хозяйства коренного населения Сибири в XVI – начале XX вв. Сделан вывод о необходимости применения системного метода при рассмотрении в историческом контексте процессов трансформации традиционного хозяйства. «Традиционное хозяйство» понимается как система, т.е. научная модель, выступающая инструментом исторического познания. Для «системы традиционного хозяйства» определены ее существенные признаки, системообразующий фактор, интегративное качество, структурные связи. Сделан вывод о целесообразности и достаточности данной модели для исторического анализа трансформации традиционного хозяйства конкретных народов. Проведен историографический анализ исследования традиционного хозяйства коренных народов Сибири. В ходе анализа определены признаки, по которым можно выделить периоды развития историографии. Каждому из двух выделенных периодов и каждому из шести этапов, выделенных внутри периодов, дана характеристика. Сделан вывод о в целом положительном решении научных проблем, стоящих учеными в процессе исследования, а также о поступательном развитии теоретико-методологической базы проблемы. Вместе с тем констатируется эпизодическое использование системного метода в научных сочинениях, так или иначе связанных с историей традиционного хозяйства.

Ключевые слова: Сибирь, коренное население, традиционное хозяйство, системный подход, историография.

*А.М. KURYSHOV,**I.V. KURYSHOVA*

**INVESTIGATION OF TRADITIONAL ECONOMY SYSTEMS
OF THE INDIGENOUS POPULATION OF SIBERIA
IN THE 16TH – EARLY 20TH CENTURIES:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS**

The objectives of the study in the article were the identification of the concept of “traditional economy” in the context of the study of its evolution and

the historiographic analysis of the problem of the development of the traditional economy of the indigenous population of Siberia in the 16th - early 20th centuries. It is concluded that it is necessary to apply the system method when considering the processes of transformation of the traditional economy in the historical context. "Traditional economy" is understood as a system, i.e. a scientific model serving as an instrument of historical knowledge. For the "system of traditional economy", its essential features, system-forming factor, integrative quality, structural links are determined. The conclusion is made about the expediency and sufficiency of this model for the historical analysis of the transformation of the traditional economy of specific peoples. A historiographic analysis of the study of the traditional economy of the indigenous peoples of Siberia has been carried out. In the course of the analysis, signs were identified by which it is possible to single out periods of development of historiography. Each of the two identified periods and each of the six stages identified within the periods is given a characteristic. The conclusion is made about the generally positive solution of scientific problems posed by scientists in the process of research, as well as the progressive development of the theoretical and methodological basis of the problem. At the same time, the episodic use of the system method in scientific writings, one way or another connected with the history of the traditional economy, is stated.

Keywords: Siberia, indigenous population, traditional economy, systematic approach, historiography.

Исследование систем традиционного хозяйства коренного населения Сибири в историческом аспекте важно в связи с рядом проблем, актуализированных современной социальной реальностью. Во-первых, процессы глобализации, характеризующие развитие мира в конце XX – начале XXI вв., породили со стороны общества, помимо прочего, ответ в форме роста национального самосознания относительно немногочисленных народов (в особенности тех, которые не имеют собственной государственности), что стало проявлением своего рода «инстинкта самосохранения» этносов. Поскольку традиционное хозяйство часто рассматривается исследователями как неперемное условие сохранения самобытной культуры, а она, в свою очередь, и является основой «этничности», обращение к вопросам его развития становится проблемой, связанной с самоидентификацией этносов. Во-вторых, усиление давления современной экономической системы на природную среду признано мировым сообществом причиной глобальных и, возможно, катастрофических изменений климата и трансформации ландшафтов. В этих условиях опыт традиционного природопользования, характеризующийся ресурсосберегающими технологиями, может быть востребован и современным обществом. В-третьих, исследование традиционного хозяйства народов Сибири как составной части проблематики становления и развития многонационального Российского государства может

способствовать научному осмыслению вопросов специфики России как особой цивилизации, имеющей оригинальные традиции взаимоотношений между различными этносами, что имеет непреходящее значение для науки в целом (поскольку связано с выявлением закономерностей исторического развития) и отвечает современным потребностям российского общества (да и человечества в целом), ищущего оптимальные формы взаимодействия в рамках межличностных, межнациональных и межгосударственных отношений.

Проблема научного определения термина «традиционное хозяйство» остается нерешенной, хотя сам термин часто используется в трудах исследователей различного профиля – и экономистов, и этнографов, и социологов, и историков. Исходить нужно из того, что «традиционное хозяйство» связано с более широким понятием «традиционное общество». Оно было сформировано в 50-е – 60-е гг. XX столетия для характеристики того типа социально-экономических отношений, который предшествовал современности (т.е., по сути, капиталистическому обществу). Вот как характеризует традиционное общество апологет теории модернизации Уолт Уитмен Ростоу, автор теории стадий экономического роста, так характеризует «традиционное общество»: «Традиционным мы называем общество, структура которого определяется его ограниченными производственными функциями, опирающимися на до-ньютоническую науку и технологию и до-ньютонические представления о внешнем мире...» [1, с. 15]. Таким образом, «традиционное общество» не просто предшествует, но и противопоставляется обществу современному. Это противопоставление видится авторам модернизационных теорий в том, что в «традиционном обществе» существуют пределы экономического роста (поскольку основано оно на сельском хозяйстве или вообще на присваивающем хозяйстве и технологически примитивно), а сама хозяйственная деятельность в рамках «традиционного общества» направлена лишь на обеспечение воспроизводства сложившихся общественных отношений. С точки зрения европоцентризма «традиционное общество» противопоставляется не только современности, но и «западному пути развития», характеризующемуся перманентным прогрессом. Такая трактовка «традиционного общества» (а в его контексте – и «традиционного хозяйства») имеет еще и идеологическое значение. Именно к такому пониманию исторического процесса восходит определение «традиционного хозяйства», употребляющееся в трудах экономистов: «Хозяйственные системы многих слаборазвитых стран можно назвать традиционной, или патриархальной, экономикой, в которых методы производства, обмена товарами и распределения дохода определяются обычаями... Религиозные и культурные ценности здесь первичны по сравнению с экономической деятельностью, а общество отстает

сохранение status quo» [2, с. 39]. Однако междисциплинарные исследования 1970–1980-х гг. показали, что однозначно трактовать модернизацию как движение от «традиционного общества» к обществу современному по западным лекалам нельзя. Сначала состоялся пересмотр самого тезиса об одновариантном и неизбежно прогрессивном развитии общества, вызванном внутренними причинами (Д. Рюшемейер, И. Валлерстайн, А.Г. Франк и др.), а затем критике подверглось утверждение о несовместимости традиции и современности (В. Дэвис, С. Хантингтон и др.). Нельзя признать полностью исчерпывающим для целей исследования традиционного хозяйства и тот смысл, который вкладывается в это понятие этнографической наукой – там под «традицией» понимаются как конкретное явление материальной и/или духовной жизни общности (хозяйственная традиция, экологическая традиция, фольклорная традиция), так и сам процесс развития этого явления в культуре [3, с. 237]. Традиционное же хозяйство предстает как простая совокупность «хозяйственных традиций», которые, в свою очередь, представляются набором неких знаний, навыков, приемов создания материальных благ. Такой подход к традиционному хозяйству представляется малопродуктивным, поскольку не дает возможности делать какие-либо серьезные обобщения, не выпускает за рамки нарратива. Таким образом, на современном этапе развития наук об обществе «традиционное хозяйство» не должно восприниматься как признак отсталости какой-либо общности (хотя «экономическое» понимание «традиционного хозяйства» имеет перед иными важные преимущества – оно нам представляет «традиционное хозяйство», во-первых, как систему, во-вторых, не столько как стадию, сколько как форму экономического развития). Хозяйственная деятельность не может определяться исключительно «выбором» в парадигме «основного противоречия экономики» (ограниченность ресурсов при безграничности потребностей человека). Это – формальное понимание экономических отношений. Содержательное же понимание сформулировал Карл Поланьи, оно характеризует взаимоотношения человека «с природным и социальным окружением, которые обеспечивают ему средства удовлетворения материальных потребностей» [4, с. 62]. Смысл этого утверждения состоит в том, что, во-первых, человек не выбирает способы удовлетворения своих потребностей, а лишь приспосабливается к окружающим его природным условиям, к имеющимся в его распоряжении ресурсам, а во-вторых, экономические отношения не представляют собой отдельную, обособленную от общества форму взаимоотношений, они «встроены» в социальную систему и подчинены логике ее развития. Лишь при окончательном формировании капиталистической системы, по мнению К. Поланьи, экономические отношения «отделяются» от социума и начинают играть самостоятельную роль (что, собственно, и зна-

менуется наступление капиталистической эры). А значит, закономерности развития экономических отношений, выявленные экономической теорией, анализирующей именно капиталистическую, рыночную экономику, а также сами ее категории вряд ли применимы при анализе «традиционного хозяйства».

Итак, «традиционное хозяйство» не может рассматриваться вне контекста общества, частью которого оно является. Социальные приоритеты включают в себя и чисто экономические, хозяйственная деятельность подчиняется социальным нормам и правилам по факту. Также оно не может рассматриваться вне контекста природы, поскольку сама по себе экономическая деятельность заключается в использовании природных ресурсов. Изобретая новые орудия труда, человек не приспособлялся к природе под себя, а приспособлялся к ней, используя ее продиктованные принципы жизнедеятельности. Лишь в капиталистическую, индустриальную эпоху экономическая сфера начинает «отделяться» от социума (не в последнюю очередь – благодаря технологиям), но «свобода» экономики от общества (достаточно условная: по факту мы наблюдаем постоянное давление на хозяйственную жизнь факторов политических, национальных, даже религиозных, а «рыночной экономики» как таковой в чистом виде не существует) все же не отменила зависимость экономики от природы. Но также «традиционное хозяйство» не может рассматриваться вне контекста конкретной эпохи, в которой оно наблюдается. Оно – лишь одна из граней социальной реальности, и вместе с общественной системой в целом испытывает на себе влияние и внешних факторов. Таким образом, мы заимствуем у экономической науки представление о «традиционном хозяйстве» как о форме хозяйственной организации и как о системе, но отказываемся рассматривать его, во-первых, как антипода «нормального» («современного», «рыночного» и т.п.) хозяйства, а во-вторых – само по себе (т.е. в отрыве от контекста конкретной эпохи, конкретного места, конкретных национальных особенностей).

Характеристика традиционного хозяйства как системы не раз рассматривалась автором этой статьи, в том числе – на страницах «Иркутского историко-экономического ежегодника». Позволим себе очень кратко повторить основные тезисы. Во-первых, «система традиционного хозяйства» – это не набор научно-исторических фактов, синтезированных в некую структуру, претендующую на более или менее адекватное отражение социальной реальности, это – модель, выступающая инструментом познания. Во-вторых, система традиционного хозяйства должна быть охарактеризована такими признаками, которые бы, с одной стороны, отличали его от «традиционной экономики» экономической теории (которая наделяется такими качествами, как примитивность технологий,

преобладание аграрного сектора в структуре производства, пределы роста), а с другой – позволяли бы наблюдать корреляцию теоретических положений с конкретно-историческими реалиями. Повторим, что мы рассматриваем не просто «традиционное хозяйство» (которое может быть понимаемо и как этап в развитии экономической сферы жизни общества, предшествующий «индустриальной экономике», и как основная характеристика неевропейского («незападного») хозяйства), а традиционное хозяйство коренного населения, которое нельзя анализировать вне социального, временного, пространственного, общекультурного контекста. Первым (и главным, системообразующим) признаком традиционного хозяйства является прямая зависимость хозяйственных традиций (т.е. приемов хозяйственной деятельности, в совокупности составляющих способ природопользования – охоту, собирательство, земледелие, скотоводство и различные варианты их соотношений) от окружающих природных условий (климат, наличие тех или иных природных ресурсов, рельеф местности и т.п.). Под «прямой» зависимостью понимается то, что обусловленность хозяйственной деятельности ограничениями природного, объективного по отношению к человеку, плана проистекает не из «экономической целесообразности», связанной с выгодой отдельных лиц – собственников средств производства, а из необходимости оптимизации хозяйственной деятельности в целях сохранения стабильности общественной системы (удовлетворение основных потребностей всех членов общества, обеспечение воспроизводства населения, стабилизация социальной структуры и т.д.). Иными словами, традиционное хозяйство функционирует не в целях удовлетворения все более растущих потребностей «каждого по отдельности», а в целях удовлетворения базовых потребностей «всех и каждого». Системообразующий статус первого признака определяется тем, что он связан с целеполаганием деятельности и обеспечивает равновесие системы в целом (прерывание связи с природой, преодоление обусловленности направлений хозяйственной деятельности окружающей средой приводят к краху традиционного хозяйства, поскольку изменяют сам смысл его существования). Вторым признаком традиционного хозяйства выступает его натуральный характер, т.е. производство продуктов не для продажи, а для собственного (в рамках той или иной общности) потребления. Этот признак естественным образом связан с первым, системообразующим: поскольку основной целью хозяйственной деятельности является воспроизводство сил и средств существования общности, а сама эта деятельность зависит от окружающей среды, то потребности каждого члена общности удовлетворяются внутри нее. При этом обмен (не всегда – в форме торговли) может иметь место, но он не является главным способом перераспределения материальных благ. Натуральный характер хозяйства не обусловлен ка-

ким-либо способом природопользования, он в равной степени присущ и охотникам, и скотоводам, и собирателям, и земледельцам. Кажется, что и уровень технологий здесь не главное – охота с луком и стрелами может производиться как для обеспечения пропитания, так и с целью продажи добычи. Здесь важна степень контроля общества за индивидуальной хозяйственной деятельностью. Третьим признаком, также связанным напрямую с первым – системообразующим – является наличие комплекса экологических традиций. В основе обозначенной связи – рациональное отношение к природным ресурсам. Иногда исследователи склонны романтизировать экологическую направленность хозяйственной деятельности в рамках традиционного хозяйства, связывая ее с некоей «любовью к природе». Думается, что, напротив, любовь к природе вторична по отношению к рациональному природопользованию, ибо последнее позволяет (в интересах воспроизводства сил и средств к существованию конкретной общности) сохранять баланс потребностей людей и возможностей природы в конкретных ландшафтах. О том, насколько хрупкой оказывается иррациональная «любовь» к природе коренного населения, говорят свидетельства, зафиксированные, например, исследователями сибирских народов в начале XX в.: поставленные в соответствующие условия эвенки (тунгусы) хищнически истребляли пушного зверя, а буряты – омуля на Байкале. Для сохранения баланса необходима стабильность системообразующего признака. Связь третьего признака со вторым – экологических традиций с натуральным характером хозяйства – видна, что называется, «невооруженным глазом» – появление излишков продукта маловероятно в условиях рационального природопользования (при этом не нужно понимать под «излишками» запасы – это неотъемлемая сторона хозяйственной жизни, например, сибирских народов). Четвертый признак традиционного хозяйства можно определить как приоритет экономических интересов общности в целом над экономическими интересами каждого из членов общности в отдельности, примат удовлетворения коллективных потребностей над удовлетворением потребностей индивидуальных. Именно в этом признаке резче всего, рельефнее проявляется упомянутая ранее «встроенность» экономических отношений в социальные. Общественный контроль над индивидуальной трудовой деятельностью может осуществляться путем администрирования процесса перераспределения продуктов потребления, регламентации приемов хозяйственной деятельности, распоряжения средствами производства. Обусловленность четвертого признака первым – в изначальном целеполагании хозяйственной деятельности, призванной удовлетворить базовые потребности всех и каждого. Связь четвертого признака со вторым и третьим признаками проявляется в контроле общества над количеством произведенного (либо приобретен-

ного, добытого) индивидом продукта. В случае со вторым признаком это будет выступать ограничением формирования излишков, в случае с третьим – ограничением давления на окружающую среду.

Названные четыре признака традиционного хозяйства характеризуют его как систему и представляют собой связи между элементами системы (т.е. собственно «хозяйственными традициями»: обработки почвы, охоты, собирательства, разведения животных, организации питания, изготовления орудий труда, одежды и жилищ и т.п.), составляющие в совокупности структуру системы традиционного хозяйства. В вербальной форме эту структуру в целом можно охарактеризовать так: в традиционном хозяйстве зависимость хозяйственной деятельности от природных реалий обуславливает формирование традиций природопользования, призванных обеспечить воспроизводство населения (как количественно, так и качественно) и восстановление природных ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения общества, что, в свою очередь, предполагает разумное ограничение потребления, достигаемое как самоконтролем для каждого человека, так и контролем общественным. Часто отмечаемая исследователями традиционных обществ «застойность» и «примитивность» традиционного хозяйства на деле является устойчивостью и стабильностью описанной структуры. Интегративным свойством системы (качеством, которое характеризует ее в целом, но отсутствует в элементах, взятых по отдельности) является ее автономность, самодостаточность. Традиционное хозяйство любого этноса теоретически может позволить существовать этому этносу столетиями совершенно изолированно. Такая самодостаточность является прямым следствием объективного и естественного характера структурных связей. В этом смысле традиционное хозяйство является результатом оптимальной адаптации человека к конкретным природным условиям.

Как не странно, но до сих пор мало изучено и понятие «коренное население». Теоретически термин должен применяться для обозначения «аборигенного населения», или «автохтонного населения», т.е. некой национально-культурной общности, которая занимала определенную территорию до прихода на нее населения с иной культурной традицией. Но в этом случае требуется научная разработка понятия, поскольку в приведенном определении очевидно отсутствуют существенные признаки, которые дали бы нам возможность явление идентифицировать точно. На практике под «коренным населением» понимаются: за пределами Европы, как правило, – неевропейские народы, в конкретных государствах – «нетитульные» народы. Организация Объединенных Наций в 1980-х гг. дала такое определение понятия «коренное население»: «Коренное население – это коренные общины, народности, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые

существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на своих собственных территориях... Они составляют слои общества, не являющиеся доминирующими, и хотят сохранить, развивать и передать будущим поколениям территорию своих предков и свою этническую самобытность» [5, с. 31]. Такое понимание «коренного населения» для ООН актуально и сейчас, но оно никак не может быть использовано наукой без специальных оговорок. Например, в случае с Сибирью, к «коренному населению» будут относиться все, кроме «русских» (как и в случае с Россией в целом). Но ведь, скажем, для Прибайкалья незадолго до прихода русских в XVII в. «колонизаторами» выступали буряты по отношению к эвенкам, а тюркские народы были «колонизаторами» по отношению ко всем этносам, населяющим Южную Сибирь до образования Державы хунну. Очевидно, что понятие «коренное население» имеет смысл лишь в том случае, если мы его применяем при исследовании конкретных проблем и периодов. В нашем случае, поскольку мы говорим о «традиционном хозяйстве» в Сибири до начала XX в., к «коренному населению» будут относиться и сибирские народы, занимающие здесь территории до прихода русских, и русские «старожилы», которых нужно отличать как от массы русских (и не только русских) переселенцев второй половины XIX – начала XX вв. в целом, так и от «новых» переселенческих волн по отношению к потомкам более ранних, когда речь идет о конкретном периоде.

Разговор о теоретико-методологических основаниях исследования систем традиционного хозяйства коренного населения Сибири в XVI – начале XX вв. немыслим без характеристики историографии проблемы. В ее развитии можно выделить два крупных периода: XVI – начало XX вв. (точнее – 1920-е гг.), что объясняется собственно хронологическими рамками рассматриваемой темы, и 1930-е гг. – начало XXI в. Не претендуя на широкое и всестороннее рассмотрение историографии проблемы в рамках формата статьи, постараемся выделить лишь основные характерные черты обозначенных периодов.

Внутри первого периода можно выделить три этапа. Первый – XVI–XVII вв. – характеризуется накоплением информации, научные принципы работы с материалом еще не устоялись в это время. Первые сведения, которые получили русские о народах Сибири, были зафиксированы письменно и дошли до нашего времени еще в конце XV – начале XVI вв. Древнейшим сочинением о народах Сибири считается новгородское сказание ««О человецех незнаемых в восточной стране», введенное в научный оборот Д.Н. Анучиным в 1890 г. [6]. В сказании сообщается ряд кратких, но ценных сведений об образе жизни самодийских и угорских народов. В конце XVI – начале XVII вв. в связи с походом Ермака и началом масштабной колонизации Сибири русскими формируется сибирское

летописание (Строгановская и Есиповская летописи) [7]. Автор одной из поздних сибирских летописей, С.У. Ремезов («История Сибирская», Ремезовская летопись), составленной на рубеже XVII-XVIII вв., вплотную приблизился к научному осмыслению сибирской истории. Сибирские летописи по сути своей являлись историческими сказаниями и могут быть рассматриваемы как попытки обобщения сибирской истории. Ценные сведения содержатся в сочинении посла Российского царства в Китае Николая Спафария, совершившего в 1675 г. путешествие в Китай через Сибирь [8]. Сочинение Спафария, написанное в деловом стиле, в форме дневника, включает многочисленные этнографические вставки. Большое значение для исследований истории Сибири имеют сведения иностранных путешественников и ученых. Обзор такой литературы и некоторые тексты содержатся в работе М.П. Алексеева [9].

Второй этап – XVIII – большая часть XIX вв. – может быть выделен на том основании, что, во-первых, в это время предпринимаются собственно научные изыскания, так или иначе связанные с характеристикой хозяйства народов Сибири, но, с другой стороны, работы такого рода относительно нашей темы носят описательный характер, в них трансформация традиционного хозяйства не только не выступает предметом исследования, но даже само это хозяйство не фигурирует в качестве отдельного объекта изучения. Историю научных исследований Сибири, в том числе – ее этнографии, можно отсчитывать с Сибирской экспедиции Д.Г. Мессершмидта 1719-1727 гг. и экспедиций за Урал П.С. Палласа 1770-1774 гг., в ходе которых был собран, помимо прочего, богатый этнографический материал. Значительные материалы по исторической этнографии Сибири собрал также Я.И. Линденау, чьи сочинения были изданы только в конце XX в. [10]. Выдающимися трудами XVIII столетия, посвященными Сибири, являются сочинения Г.Ф. Миллера и И.Г. Георги. «История Сибири» Г.Ф. Миллера, в которой впервые в отечественной исторической науке содержалась критика источников на фоне стройной логики изложения, обусловленной магистральной концептуальной идеей, не издана полностью до сих пор (из 5 томов выпущено в печать только три тома, содержащие 13 глав из 23, подготовленных Г.Ф. Миллером) [11-13]. Фундаментальное произведение И.Г. Георги – «Описание всех народов России» – в значительной своей части посвящено Сибири: во всех четырех частях «Описания...» содержались сведения о сибирских народах (принцип выделения частей у И.Г. Георги не географический, а, скорее, этнографический) [14-17]. Развитие исторического сибиреведения первых трех четвертей XIX столетия неразрывно связано с именами таких выдающихся ученых, как П.А. Словцов и А.П. Щапов [18]. В трудах А.П. Щапова возможно впервые в отечественной историографии этнические особенности народа, в первую очередь – хозяйственные, были

поставлены в зависимость от природных условий. Важнейшей вехой в исследованиях быта, в том числе – хозяйства народов Сибири (в частности – в историческом аспекте) стало образование в 1851 г. в Иркутске Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (СОИРГО). СОИРГО издавало большое количество литературы, в том числе – периодической («Записки», «Вестник»), публикуя отчеты экспедиций, научные труды членов общества, краеведческие статьи. С этого момента весь массив научной литературы, так или иначе освещающей вопросы, связанные с изменениями традиционного хозяйства в целом или отдельных хозяйственных традиций коренных народов Сибири, можно разделить на три группы – литература этнографическая, историко-географическая и непосредственно историческая.

Выделение третьего этапа (конец XIX в. – 1920-е гг.) обуславливается появлением в это время разнообразной специальной литературы, что связано, прежде всего, с бурным развитием в России статистической науки и зарождением науки историко-экономической. Также важно то, что именно в этот период в качестве особенного предмета исследователей стало интересоваться хозяйство русских крестьян-старожилов в Сибири, т.е. по сути, именно тогда русские крестьяне в Сибири стали восприниматься как коренные ее жители. С точки зрения подходов этот этап также характеризуется еще двумя особенностями. Во-первых, исследователей тогда интересовали, прежде всего, вопросы государственной политики в отношении сибирских народов в плане ее влияния на традиционные их уклады. Интерес этот был продиктован «включением» Сибири в российскую экономическую реальность благодаря строительству Транссиба и массового переселения крестьян за Урал. Этому интересу способствовала и относительно либеральная политика в отношении наук об обществе как имперского правительства в конце его существования, так и советского – в начале, равно как и подъем национальных движений. Во-вторых, вопросы трансформации традиционного хозяйства решались, главным образом, в рамках этнографических сочинений и публицистики. Историческая наука в это время не имела еще твердых методологических принципов, позволяющих эффективно решать задачи исследования изменений именно традиционного хозяйства. В публицистических работах на данном этапе активно обсуждались проблемы проведения землеустроительных работ на территориях, занятых коренным (нерусским) населением. К первой группе таких работ относятся статьи авторов, стоящих на позициях официальной пропаганды [см., например: 19]. Во вторую группу входят работы, подвергающие землеустройство сибирских «инородцев» критике. Среди них можно выделить «либеральное» направление, критиковавшее не саму реформу землеустройство, а методы ее проведения [см., например: 20], и направление, близкое

к «народническим» позициям, выступавшее против землеустройства как такового, аргументируя свою позицию тем, что оно противоречит традиционному укладу «инородцев» [см., например: 21]. Этнографические исследования конца XIX в. – конца 1920-х гг., рассматривающие как отдельные аспекты хозяйства народов Сибири, так и его в целом, как правило, не выходили за рамки описания хозяйственных традиций и их классификации. Вместе с тем, в таких сочинениях обращает на себя внимание основательность научных подходов. К таковым относятся сочинения Н.М. Астырева, В.Л. Серошевского, Н.М. Ядринцева [22-24] и др. Ценнейшим источником, характеризующим, хозяйство сибирского населения в конце XIX столетия, являются «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний». Известный исследователь Сибири С.К. Патканов занимался вопросами этнографии (он, помимо прочего, опроверг широко распространенное в конце XIX в. мнение о «вымирании» сибирских «инородцев»). Объемный материал для научной интерпретации предоставляют работы выдающегося этнографа Б.Э. Петри с его методикой «сплошного обследования» [см., например: 25-28]. Благодаря ему, а также М.Е. Золотареву, К.М. Миротворцеву, П.Г. Полтарядневу, Н.П. Попову, Е.И. Титову, Я.Н. Ходукину и другим исследователям наука обогатилась фактическими данными, обобщение и интерпретация которых до настоящего времени составляют важнейшую сторону научных изысканий историков и этнографов. Виднейшим представителем историко-этнографической науки, обращавшимся к проблемам традиционного хозяйства народов Сибири, является Н.Н. Козьмин. В своих работах он профессионально сочетал исторические, этнографические, географические методики исследования, рассматривая хозяйственную деятельность через призму ее соответствия конкретным географическим условиям [29-32]. Также особо следует отметить научную деятельность И.И. Серебrenикова, который в своих трудах, по сути, произвел первичный анализ хозяйственных условий и особенностей, сложившихся в среде коренного населения Сибири в начале XX в. [33-36]. В целом к концу 1920-х гг. историческая наука пришла к выводу о географическом детерминизме традиционного хозяйства народов Сибири. Своего рода манифестом подобных научных взглядов стала работа С.П. Швецова «Этнография и народное хозяйство» (1928 г.) [37]. Безусловная заслуга отечественной историко-этнографической науки этого периода – включение в научную проблематику вопросов, связанных с трансформацией хозяйственных традиций.

Период с 1930-х гг. до наших дней в отношении историографии исследуемой проблемы можно также разделить на несколько этапов. На первом из них (1930-е – первая половина 1950-х гг.) отечественная исто-

рическая наука обрела универсальный метод научного познания – теорию общественно-экономических формаций. При всем ее догматизме (коим обязана она, в первую очередь, не самому К. Марксу, а его позднейшим апологетам), важнейшим ее достоинством было признание не просто значимости экономических отношений, а их определяющей роли в истории. Как следствие, внимание многих историков сосредоточилось на вопросах, связанных с социально-экономическим развитием России и ее регионов. Но проблемы хозяйственного развития коренного населения Сибири по-прежнему затрагивались нечасто, а когда затрагивались, то рассматривались в соответствии с теорией общественно-экономических формаций (при этом историки испытывали серьезные сложности при попытках зафиксировать феодальные или капиталистические черты у коренных сибирских народов (в последнем случае – у наиболее развитых народов Сибири – бурят, татар)), однако традиционному хозяйству в такой жесткой схеме места не было [38, 39]. И все же работа советских ученых этого периода была чрезвычайно плодотворна, она внесла существенный вклад в дело обработки фактического исторического материала, на базе которого могли проводиться дальнейшие исследования. В отношении методики историко-экономических исследований настоящим прорывом стал труд В.Н. Шертобоева «Илимская пашня», посвященный крестьянскому хозяйству Приилимья [40, 41]. Этнографические исследования на этом этапе были немногочисленными, те из них, что выходили за рамки описания быта, касались почти исключительно малых народностей Севера СССР. Тем более ценными представляются несколько работ 1930-х гг., в которых, в традициях предшествующего периода, хозяйственные традиции увязываются с природными условиями [42-44]. Немногочисленность этнографических исследований во многом объясняется кризисом методологии науки об этносах. Общим положительным качеством этнографических исследований было обращение к тезису о приоритетном влиянии экономического (хозяйственного) фактора на остальные стороны жизни общества (в соответствии с официальной научной доктриной). Положительным это качество мы называем потому, что на предыдущем этапе (конец XIX – начало XX вв.) твердой методологической основы у довольно многочисленных авторов, занимавшихся исследованием традиционных обществ, не было вовсе.

На следующем этапе развития историографии (вторая половина 1950-х – начало 1990-х гг.) наблюдается заметное повышение интереса историков и этнографов к проблемам изменения хозяйственных традиций коренного сибирского населения. Историческая наука все чаще обращается к развитию сибирских народов, по-прежнему пытаясь связать его с глобальными процессами смены общественно-экономических формаций, но уже на гораздо более обширном фактическом материале.

ле. Был также преодолен к концу 1950-х гг. методологический кризис в этнографии – она получила твердую основу в виде теории хозяйственно-культурных типов. Развитие теории хозяйственно-культурных типов в трудах этнографов, обращавшихся к хозяйству сибирских народов, позволило в значительной степени расширить довольно узкие рамки, в которых работали историки. Этап ознаменовался выходом в свет фундаментальных трудов: «Народы Сибири» и «История Сибири». Авторы первого – этнографического – труда [45] наряду с традиционным для этнографов описанием материальной культуры народов Сибири, много внимания уделили вопросам их социального развития. Авторы «Истории Сибири», три тома из пяти которой посвящены были досоветскому периоду [46-48], рассматривая историческое развитие региона в контексте марксистского, конечно, подхода, пришли к выводам о развитии капитализма в Сибири в конце XIX – начале XX вв., в том числе – под влиянием русской колонизации – в среде коренного населения. Точки зрения на развитие Сибири, зафиксированные в названных фундаментальных трудах, стали классическими и предопределили направления работы историков в будущем. Их интересовали стадийные закономерности развития хозяйства коренного населения в условиях перехода от одной формации к другой. В связи с этим вставал вопрос о влиянии русской колонизации на традиционное этническое сибирское хозяйство, который также стал предметом ряда исследований [см., например: 49, 50]. Наиболее значимыми работами этого времени, характеризующими хозяйственное развитие сибирского населения в конце XIX – начале XX вв., являются монографии И.А. Асалханова [51, 52]. Вопросы исторического развития сибирских «инородцев» в конце XIX – начале XX вв. в контексте государственной политики (как мы помним, это – еще традиция историографии начала XX в.) исследовал Л.М. Дамешек [53, 54]. В 1980-х гг. были опубликованы первые историографические исследования по истории Сибири дооктябрьского периода. В них авторы касались и вопросов изучения хозяйства коренных народов Сибири [55]. Оценка исследований в этих работах, как правило, производилась с позиций теории общественно-экономических формаций в ее советском варианте. Но в целом в результате научных изысканий историков к концу 1980-х гг. была сформирована достаточно логичная схема развития традиционного хозяйства народов Сибири, согласно которой в конце XIX – начале XX столетий как под влиянием русских переселенцев, так и в результате внутреннего развития в хозяйствах «инородцев» и русских старожилов происходили изменения, которые можно трактовать как «капиталистические». Степень развития капитализма стала проблемой дискуссионной. Конечно, такая позиция историков в определенной степени была обусловлена идеологическими соображениями. Она несколько смягчалась усилиями

авторов многочисленных этнографических исследований, работавших в рамках теории хозяйственно-культурных типов [см., например: 56-61]. Некоторые из этнографических трудов по своему содержанию и форме очень близки историческим исследованиям, но, как правило, этнографические работы были ограничены описанием особенностей материальной и духовной культуры сибирских народов.

Кризис исторической и этнографической наук, обозначившийся в конце 1980-х гг. на фоне общенационального кризиса, был кризисом и методологическим. Историческая наука не могла объяснить с позиций теории общественно-экономических формаций всего многообразия вариантов трансформации традиционных хозяйств народов, а этнография столкнулась с невозможностью идентификации этноса в устоявшихся в науке понятиях. Выход из этого тупика этнографами был найден в постановке новой научной задачи: «выявление и анализ факторов, вызывающих трансформацию этно-специфических черт в новых условиях» [62, с. 8]. К таким чертам можно было отнести с полным правом и хозяйственные традиции, связанные с приспособлением общества к конкретным природным условиям. Таким образом, в начале 1990-х гг. этнография вплотную подошла к пониманию содержательного значения экономических явлений.

Методологический кризис, одним из выходов из которого было развитие междисциплинарных исследований, предопределил сближение истории и этнографии и знаменовал начало нового этапа развития историографии проблемы (с начала 1990-х гг. до наших дней). Поскольку этот этап протекает в наше время, делать окончательные выводы о тенденциях решения проблемы трансформации традиционного хозяйства в историческом аспекте вряд ли своевременно, но можно определить те особенности, которые видны уже сейчас. Во-первых, как уже было сказано, это междисциплинарные исследования (например, историко-этнографические). Авторы этнографических исследований также все чаще обращаются к анализу изменений хозяйственных традиций, не ограничиваясь исключительно их описанием [63-65]. Одновременно к вопросам исторического развития хозяйства начинают обращаться географическая и экономическая науки. Во-вторых, – медленное распространение понимания традиционного хозяйства с точки зрения содержательного значения «экономического» в исторической науке. Так, например, в капитальном труде 1995 г. «История Усть-Ордынского бурятского автономного округа» незримо присутствуют принципы теории общественно-экономических формаций, одобренные идеями «национального возрождения» [66]. Подобные подходы заметны и в отдельных монографиях [см., например: 67, 68]. Сформулированная еще в предыдущий период теория существования в Сибири до 1917 г. так называе-

мого «государственного феодализма» живет в трудах историков по сию пору. Однако тенденция понимания процесса развития традиционного хозяйства как особой системы, на которую не должны искусственно распространяться законы развития рыночной экономики, все же заметна – в работах, посвященных природопользованию как отдельных сибирских народов, так и населения Сибири в целом [69-71]. Важной в этом контексте (в плане влияния на направления трансформации традиционного хозяйства со стороны переселенцев) представляется и развитие «переселенческой» тематики [72-75].

Итак, начиная с 1990-х гг. исследования в области изучения трансформации традиционного хозяйства коренного населения Сибири обнаруживают качественный сдвиг: происходит переход от практики рассмотрения изменений хозяйственных традиций как проявления поступательного развития экономических отношений от примитивных форм к более прогрессивным (рыночным) к пониманию трансформации традиционного хозяйства как изменений способов и форм природопользования. Правда, использование системного подхода в исследованиях такого плана может констатироваться лишь в единичных случаях.

Список использованной литературы и источников

1. Росту В.В. Стадии экономического роста / В.В. Росту. – Нью-Йорк : Изд-во Фредерик А. Прегер, 1961. – 239 с.
2. Макконнелл К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. – Москва : ИНФРА-М, 2003. – XXXVI + 972 с.
3. Павлинская Л.Р. Становление и развитие хозяйственной традиции на территории Прибайкалья и Забайкалья / Р.Л. Павлинская, С.Г. Жамбалова // Культурные традиции народов Сибири. – Ленинград : Наука, 1986. – С. 237-261.
4. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи ; пер. с англ. М.С. Добряковой // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 2. – С. 62-73. – URL : <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-2/26594435.html>.
5. Коренное население. Глобальное стремление к справедливости : докл. для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – Москва : Межд. отношения, 1990. – 244 с.
6. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточной стране». Археолого-этнографический этюд (из XIV тома «Древностей») / Д. Н. Анучин. – Москва : Тип. О.О. Гербек. – 89 с.
7. Сибирские летописи / Императорская Археографическая комиссия. – Санкт-Петербург : Тип. И.Н. Скороходова, 1907. – XXXVIII + 395 + 20 с.
8. Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году / Н.Г. Спафарий; введ. и примеч. Ю.В. Арсеньева. – Санкт-Петербург : Тип. В. Киришбаума, 1882. – 214 с.
9. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественни-

ков и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII-XVII вв. / М.П. Алексеев. – Иркутск : Иркут. обл. изд-во ОГИЗ, 1941. – LXI + 610 с.

10. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я.И. Линденау ; пер. с нем., примеч. и предисл. З.Д. Титовой. – Магадан : Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

11. Миллер Г.Ф. История Сибири Т. 1 / Г.Ф. Миллер. – Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937. – 607 с.

12. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2 / Г.Ф. Миллер. – Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937. – 637 с.

13. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3 / Г.Ф. Миллер. – Москва : Восточная литература, 2005. – 598 с.

14. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1: О народах финского племени / И.Г. Георги. – Санкт-Петербург : Артиллерийский и инженерный шляхетный Кадетский Корпус, 1776. – 89 с.

15. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени / И.Г. Георги. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1776. – 188 с.

16. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 3: О народах самоедских, манджурских и восточных сибирских как и о Шаманском законе / И.Г. Георги. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1799. – 116 с.

17. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 4: О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описаний всех наименований казаков, также История о Малой России и купно о Курляндии и Литве / И.Г. Георги. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1799. – 385 с.

18. Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения / А.П. Щапов // Щапов А.П. Сочинения А.П. Щапова : в 3 т. – Т. 2. – Санкт-Петербург : Изд. М.В. Пирожкова, 1906. – С. 182-364.

19. Чиркин Г. О задачах колонизационной политики в Сибири / Г.Ф. Чиркин // Вопросы колонизации. – 1911. – № 8. – С. 1-38.

20. Зайцев Д. К аграрному вопросу в Сибири / Д. Зайцев // Сибирские вопросы. – 1906. – № 2. – С. 49-54.

21. Клеменц Д.А. Заметки о кочевом быте / Д.А. Клеменц // Сибирские вопросы. – 1908. – № 49-52. – С. 7-57.

22. Астырев Н.М. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири / Н.М. Астырев. – Москва : Тип. Д.И. Изоземцева, 1891. – 450 с.

23. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. / В. Л. Серошевский. – Москва : РОССПЭН, 1993. – 736 с.

24. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение / Н. М. Ядринцев. – Санкт-Петербург, 1891. – 308 с.

25. Петри Б.Э. Внутри-родовые отношения у северных бурят / Б.Э. Петри //

Известия БГНИИ. – Иркутск : 1-я Гостиполитография, 1926. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 3-72.

26. Петри Б.Э. Охота и оленеводство у тугурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства / Б.Э. Петри. – Иркутск : [б. и.], 1930. – 106 с.

27. Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагас / Б. Э. Петри. – Иркутск : Иркутский ун-т, 1927. – 32 с.

28. Петри Б.Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах / Б.Э. Петри. – Иркутск : Тип. изд-ва «Власть труда», 1927. – 22 с.

29. Козьмин Н.Н. Бурят-Монгольская АССР: географ. и хоз. очерк / Н.Н. Козьмин. – Иркутск-Верхнеудинск : Бурмонгиз, 1928. – 70 с.

30. Козьмин Н.Н. Бурят-Монгольская Республика, как хозяйственная область / Н.Н. Козьмин // Жизнь Бурятии. – 1924. – № 1. – С. 2-7.

31. Козьмин Н.Н. Очерки истории прошлого и настоящего Сибири / Н.Н. Козьмин. – Санкт-Петербург : Тип. «Печатный труд», 1910. – VI + 266 с.

32. Козьмин Н.Н. Хозяйство и народность (производственный фактор в этнических процессах) / Н.Н. Козьмин // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1928. – Вып. VII. – С. 1-22.

33. Серебренников И.И. Иногородцы Восточной Сибири, их состав и занятия: (стат. очерк) / И.И. Серебренников. // Известия Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. О-ва. – 1914. – Т. 43. – С. 121-168.

34. Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Т. 1 / И.И. Серебренников; под ред. проф. Н.Н. Козьмина. – Верхнеудинск : Бурят-Монг. кн. изд-во, 1925. – 226 с.

35. Серебренников И.И. Иногородский вопрос в Сибири / И.И. Серебренников. – Иркутск : Коммерческая электро-тип., 1917. – 15 с.

36. Серебренников И.И. Материалы к вопросу о состоянии скотоводства у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области / И.И. Серебренников. – Харбин : Изд. Монгол. экспедиции по заготовке мяса для действующей армии, 1920. – 83 с.

37. Швецов С.П. Этнография и народное хозяйство / С.П. Швецов // Историко-экономические исследования. – 2011. – Т. 12, № 3. – С. 114-129.

38. Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа / П.Т. Хаптаев. – Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1942. – 198 с.

39. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков / В.И. Шунков. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1946. – 228 с.

40. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. I : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века / В.Н. Шерстобоев. – Иркутск : Иркут. ОГИЗ, 1949. – 595 с.

41. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. II : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века / В.Н. Шерстобоев. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. – 673 с.

42. Богораз-Тан В.Г. Оленеводство: Возникновение, развитие и перспективы / В.Г. Богораз-Тан // Известия АН СССР. – Труды лаб. генетики. – Москва, 1933. – С. 219-251.

43. Левин М.Г. Эвенки Северного Прибайкалья / М.Г. Левин // Советская этнография. – 1936. – № 2. – С.71-78.

44. Никульшин Н.П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков / Н.П. Никульшин. – Ленинград : Изд-во Главсевморпути, 1938. – 144 с.

45. Народы Сибири. Этнографические очерки / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. – Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. – 1083 с.
46. История Сибири. Т. 1: Древняя Сибирь. – Ленинград : Наука, 1968. – 454 с.
47. История Сибири. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. – Ленинград : Наука, 1968. – 535 с.
48. История Сибири. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. – Ленинград : Наука, 1968. – 530 с.
49. Складчиков Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л.Ф. Складчиков. – Ленинград : Изд-во Лен. ун-та, 1962. – 588 с.
50. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции) / В. Г. Тюкавкин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 472 с.
51. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. / И.А. Асалханов. – Новосибирск : Наука, 1975. – 268 с.
52. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века / И.А. Асалханов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963. – 494 с.
53. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века) / Л.М. Дамешек. – Иркутск : изд-во ИГУ, 1986. – 168 с.
54. Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века / Л.М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. – 136 с.
55. Горюшкин Л.М. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.) / Л.М. Горюшкин, Н.А. Миненко. – Новосибирск : Наука, 1984. – 318 с.
56. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1969. – 304 с.
57. Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят / К.В. Вяткина. – Ленинград : Наука, 1969. – 218 с.
58. Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX вв. (хозяйство и социальная структура) / В.В. Карлов. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 160 с.
59. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации / Г.Е. Марков. – Москва : Изд-во МГУ, 1976. – 318 с.
60. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В.А. Туголуков. – Москва : Наука, 1985. – 284 с.
61. Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX вв. (принципы освоения угодий) / М.Г. Туров. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1990. – 176 с.
62. Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР (стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX – XX вв.) : учеб. пособие / В.В. Карлов. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – 160 с.
63. Гулевский А.Н. Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов России (к. XIX–XX век): Этнографические очерки / А.Н. Гулевский. – Москва : КМЦ ИЭА РАН, 1993. – 300 с.
64. Мельникова Л.В. Тофы: Историко-этнографический очерк / Л.В. Мельникова. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 304 с.
65. Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности / А.А. Сирина. – Москва-Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2002. – 286 с.

66. История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. – Москва : Прогресс, 1995. – 544 с.
67. Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во II половине XIX века – начале XX века (60-е гг. XIX – октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни / Ч.Г. Андреев. – Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2001. – 287 с.
68. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX вв. / В.Я. Бутанаев. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2002. – 212 с.
69. Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке / Ю.А. Зуляр. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2002. – 496 с.
70. Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области) / М.В. Рагулина. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. – 163 с.
71. Традиционное природопользование: культурно-бытовые и хозяйственные аспекты / В.А. Тайшин, А.М. Серебренников, Д. Ж. Батуева [и др.]. – Москва : Изд-во «Академия естествознания», 2007. – 201 с.
72. Сибирские переселения: документы и материалы. Вып. 1 / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2003. – 198 с.
73. Сибирские переселения. Вып. 2 : Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: сборник документов / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск : Изд. дом «Сова», 2006. – 263 с.
74. Сибирские переселения. Вып. 3 : Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв. : сборник документов / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск : Изд-во «Параллель», 2010. – 276 с.
75. Сибирские переселения : документы и материалы. Вып. 4 : Конфликты старожилов и переселенцев. 1880-1910-е годы / авт.-сост.: А.К. Килиллов, М.В. Шиловский, П.А. Афанасьев, Д.Ю. Хоменко; отв. ред. М.В. Шиловский. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. – 664 с.

Информация об авторах

Курьшов Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Курьшова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета, (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kiw09@mail.ru)

Authors

Andrey M. Kuryshov – Ph.D. in History, Associate Professor, of the Department of International Relations and Custom, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

Irina V. Kuryshova – PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University, (664074, Irkutsk, Lermontov St., 83, e-mail: kiw09@mail.ru)